

ДВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

8

2012

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/2012

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Москва — Хо Ши Мин. Контакты в 1950—1952 гг. Публикацию подготовил **И.Н. Селиванов** 3

СТАТЬИ

- Ю.А. Пелевин** — Первая протестная демонстрация в России 14
- К.А. Соловьев** — Власть Московского государя во второй половине XV в.: официальная позиция 30

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М.К. Чиняков** — Никола-Шарль Удино 49

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- С.А. Сахаров** — Поздняя Римская империя: власть и коррупция 64

ПУБЛИКАЦИИ

- «Кто и что теперь Россия?» Записка графа Д.А. Толстого, 1865 г. Публикацию подготовил **И.Е. Дронов** 75

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- А.Н. Андреев** — Православно-протестантские отношения в России в XVIII в. 83
- И. Магадеев** — Контроль над личным составом во французской армии в 1920-е гг. 96
- Л.И. Ивонина** — Монархизация правителей и государств Классической Европы в конце XVII — начале XVIII в. 104

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- С.Е. Лазарев** — Георгий Семёнович Родин 118

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Е.А. Долгова** — Неизученные страницы жизни Н.И. Кареева 131
- Л.Н. Хаховская** — Тэгрынкеу: чукотский бунтарь или жертва? 138
- В.Н. Медведев** — Община Сарепта в Российской империи в XVIII — начале XIX в. 147
- М.-П.Б. Абдусаламов** — Феодалные междоусобицы в Кабарде в начале XVIII в. 153
- Е.В. Климов** — Понятие Бог в русско-византийских договорах X в. 157

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Дж. Энтин** — К истолкованию русской революции 1917 г. 161
- О.И. Киянская, Д.М. Фельдман** — А.Л. Юрганов. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма 169
- Б.В. Петелин** — И.Ф. Максимычев. Падение Берлинской стены. Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине 173

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- Я.Г. Риер** — Стоит ли за империю копыа ломать? 175

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Первая протестная демонстрация в России

Ю.А. Пелевин

6 декабря 1876 г. у Казанского собора в Петербурге состоялась первая массовая протестная акция. Проведение митинга взял на себя кружок народников-бунтарей, которые объединились осенью 1876 г. под руководством М.А. Натансона, революционера, пользовавшегося огромным авторитетом в подполье. Первоначально кружок не имел общепризнанного названия¹. После Казанской демонстрации организация приняла название «Земля и воля» и с этим именем вошла в историю российского революционного движения. «Земля и воля» стала крупнейшей народнической организацией 1870-х годов. Как вспоминал земледелец М.Р. Попов, кружок как раз и решил объявить о народившейся организации массовой демонстрацией на какой-нибудь из площадей Петербурга².

До этого, 30 марта 1876 г., народникам удалось организовать публичное выступление при похоронах студента Медико-хирургической академии П.Ф. Чернышева. Арестованный в 1874 г. по делу о пропаганде («Дело 193-х»), он умер в Доме предварительного заключения. На похоронной процессии присутствовало, по разным подсчетам, от двух до трех тыс. человек³. Массовое шествие порождало надежды и побуждало к действию. «Многие очень сожалели, что по незнанию не могли принять в нем участия, — писал Л.Г. Дейч. — Особенно жалели об этом спропагандированные рабочие, но вскоре затем они решили устроить демонстрацию без похорон: некоторые утверждали, что при старании можно будет собрать в праздничный день две, а то и больше тысяч рабочих, не считая интеллигенции. Мысль эта, по-видимому, понравилась Г.В. Плеханову, М.А. Натансону, А.Д. Михайлову и другим “троглодитам”. Но инициатива принадлежала рабочим»⁴. Революционно настроенный мастерской Н.И. Новиков, входивший в рабочий кружок, где вел пропаганду Плеханов, позднее вспоминал: «Как сейчас помню, когда обсуждался вопрос о Казанской демонстрации на сходках того времени, то многие из нас говорили: «Лишь бы нам набрать тысяч 15, а то мы двинемся к Зимнему дворцу: “Выходи-ка, мол, к нам, ваше величество. Мы с тобой потолкуем о земле и воле”»⁵. Но это были только мечтательные пожелания, не более. Рабочие «уверяли нас, — писал Плеханов, — что если

Пелевин Юрий Александрович — кандидат исторических наук, профессор Государственного университета гуманитарных наук.

хорошо взяться за дело и выбрать для демонстрации праздничный день, то на нее соберется до 2000 рабочих. Мы сомневались в этом, но бунтарская жилка заговорила в каждом из нас, и мы сдались»⁶.

Задуманное выступление посвящалось политическим узникам царских тюрем. Об их тяжелом положении нужно было заявить как можно громче. Один из учредителей «Земли и воли», а в будущем фактический руководитель организации, Михайлов так определял цели демонстрации: «Страдания близких людей не давали покоя. А между тем по поводу всего этого молчит печать и общество. Представители печати знают и многие возмущаются, но печать молчания наложена им на уста. А общество, знает ли оно, что происходит в казематах родной страны, знает ли, кого так усиленно подавляет власть? Конечно, нет. До него доходят отрывочные слухи о ловле каких-то кровожадных демагогов-революционеров, да иногда оно видит рыдающих отцов и матерей, лишенных детей, замешанных в какой-то политической истории. Вот и все. А истину, жаждущую света, тщательно прячут те, против кого она... Человек, любящий свободу, не должен переносить безответно лишения этого священного дара другого человека. Надо открыть святую истину миру, показать, как и за что борются те, которых преследует правительство»⁷. Массовое выступление «было вызвано тревожными и мрачными известиями, которые поступали из крепости и тюрем, переполненных заключенными. Арестовали сотни молодых людей за пропаганду социалистических учений в деревнях или в рабочих кварталах, — писала А.П. Прибылева-Корба. — Тяжесть заключения усугублялась желанием правительства отбить охоту молодежи к дальнейшим попыткам проповедовать социалистические истины. Во многих тюрьмах режим был ужасен и приводил часто к скоротечной чахотке, к самоубийствам и иногда к умопомешательству. Казанская демонстрация явилась выразительницей чувства негодования, вызванного бесчеловечным содержанием заключенных»⁸.

Народнический кружок считал одной из своих задач «поддерживать в обществе возбужденное состояние, недовольство и внушать беспокойство властям, — утверждала В.Н. Фигнер. — Казанская демонстрация была затеяна именно с этой целью; она должна была... сделать вызов правительству и среди всеобщего затишья своей дерзостью поразить противников и ободрить сторонников»⁹. Михайлов охарактеризовал цели и задачи акции следующим образом: «Казанская демонстрация была мыслью группы народников и первым ее практическим шагом». Организация смотрела на такое выступление как на поступок, естественный в целесообразный для всех способных решительно протестовать против подавляющего насилия. Это, по мнению Фигнер, была «пропаганда действием, влияние которой чрезвычайно сильно и широко. Для идущих на площадь — это случай проверить свои чувства и воспитать в себе привычку мирить слово с делом. Как воспитательное средство, оно должно было быть применено к возможно большему числу лиц, и потому на демонстрацию были приглашены все существующие партии, лица из интеллигенции и рабочие. Последствий инициаторы предвидеть не могли, так как все зависело от массы случайных обстоятельств, а от правительства они конечно ласки не ждали»¹⁰.

Подготовка агитационного выступления заняла около месяца и вызвала среди радикальной молодежи острые дискуссии. По воспоминаниям члена основного землевольческого кружка Н.И. Сергеева, в квартире одного из народников на Преображенской улице развернулись дебаты по вопросу о целесообразности такой манифестации. Особенно упорно спорили Натансон и А.П. Боголюбов-Емельянов¹¹, входивший в основной кружок «Земли и воли», «энергичный пропагандист, сердечный товарищ, решительный и сме-

лый»¹². Он упорно выступал против какого-либо массового выступления из-за малочисленности сил. Натансон, напротив, предлагал «устроить в Петербурге внушительную демонстрацию с речами, она имела бы, на его взгляд, значение прецедента и вызвала бы другие, более широкие выступления»¹³.

Организация демонстрации была проведена из рук вон плохо. М.М. Чернавский, участник митинга, считал, что «слово “организация” — слишком громкое выражение по отношению к тем примитивным приемам, с помощью которых демонстрация была устроена»¹⁴. Выступление готовилось центральным кружком, но не все его члены знали о намеченном мероприятии. Незадолго до него был даже создан Распорядительный совет¹⁵, который, правда, никаких действенных мер не принял и о котором мало кто слышал. Рядовым устроителям и участникам публичной акции имена организаторов не были известны. Сергеев утверждал, что первую скрипку играл Натансон, но, следя за ходом дела, он все время оставался в тени¹⁶. Чернавский, осужденный по делу о демонстрации, только на каторге узнал, что «главным инициатором и организатором был Натансон»¹⁷. Вместе с тем Плеханов впоследствии рассказывал П.Б. Аксельроду, что именно от Натансона он получал каждый день инструкции, а вечерам давал ему точный отчет о сделанном¹⁸. В этот период Плеханов был начинающим революционером и с благоговением относился к столь высокому авторитету.

При подготовке митинга создала осложнения некая другая инициативная группа, готовившая выступление на Исаакиевской площади. Еще в ноябре 1876 г. в Петербурге распространился слух, что у Исаакиевского собора произойдет демонстрация, которая начнется с панихиды по убитым в Сербии русским добровольцам¹⁹. Однако акция не состоялась из-за малого числа участников²⁰. Было предпринято две попытки собраться у Исаакиевского собора²¹. Кто был их инициатором, так и осталось невыясненным. Многие из пришедших в тот день не откликнулись на призывы участвовать еще в какой-либо манифестации.

Накануне митинга на площади у Казанского собора состоялась расширенная сходка на квартире А.К. Преснякова. Явилось много интеллигенции, рабочих почти не было. Большинством решили, что выступление должно состояться в любом случае. Тогда же возникло предложение о красном знамени с надписью «Земля и воля», о котором прежде не было и речи²².

Однако решение было отнюдь не единогласным. В дебатах наиболее упорно различные точки зрения представляли Боголюбов-Емельянов и Плеханов. На собрании присутствовал рабочий-революционер П.А. Моисеенко, работавший на фабрике Шау. Он вспоминал впоследствии: «Одни доказывали, что демонстрация только убавит наши ряды и существенного ничего не даст, другие — что, напротив, она даст толчок в обществе; если рабочие еще и не поймут ее значения, все же лозунг “Земля и воля” всколыхнет народные массы»²³. В конце концов решено было демонстрацию провести. Моисеенко и еще одному рабочему «было поручено созвать побольше народа, не рассказывая зачем, а просто объяснить, что будет собрание»²⁴.

Красное знамя приготовили на конспиративной квартире основного кружка на Петроградской стороне. Здесь жили Е.Д. Сергеева и М.Н. Оловеникова (Ошанина) с двумя сестрами. Одна из них, Наталия, нашла на знамени белыми шелковыми шнурами слова «Земля и воля»²⁵.

Между тем рабочие отнеслись к такому девизу скептически. Плеханов пояснял: «Надпись “Земля и воля” мы считали наилучшим выражением народных идеалов и требований. Но именно народу-то, по крайней мере столичному народу, она и оказалась непонятной. “Как же это так, — рассуждали потом на некоторых фабриках, — они хотели земли и воли? Земля-то это

так, земли точно надо бы дать крестьянам, а воля-то ведь уж дана. В чем же тут дело?» Вышло, что со своим девизом: «Земля и воля» мы опоздали по меньшей мере на пятнадцать лет»²⁶ после 1861 года.

Демонстрацию назначили на воскресенье 6 декабря — день церковной памяти наиболее почитаемого на Руси святого, святителя Николай Угодника. Это должно было скрыть на какое-то время подлинные намерения собравшихся. Место проведения у кафедрального собора, посвященного Казанской иконе Божией Матери, было выбрано с расчетом на то, что вместительный храм на Невском проспекте позволит собраться большому числу людей, не вызывая преждевременных подозрений полиции.

После полудня в праздничный церковный день у собора собрались главным образом учащаяся молодежь и демократически настроенная интеллигенция. О числе участников, как обычно в таких случаях, существуют разные свидетельства. Мемуаристы называют цифры от «нескольких десятков»²⁷ до 500 человек²⁸. В документах III отделения, составленных по горячим следам, говорилось о 150²⁹ и 200 участниках³⁰. Цифру 150—200 человек называл и Чернавский, добавляя, что в предыдущей, не состоявшейся в ноябре демонстрации у Исаакиевского собора молодежи было больше³¹. При судебном разбирательстве свидетели показывали, что «всех было 200 или 300 человек»³².

Впрочем, сомнение будет вызывать любое указываемое число демонстрантов, так как к ним примешались случайные зрители — любопытствующие горожане, а также верующие, пришедшие на церковную службу. Руководители же акции в ней не участвовали: было решено, что «лица, исполняющие определенные функции по организации, на площадь не должны выходить»³³.

Рабочих собралось немного. Мойсеенко вспоминал, что «на паперти стояло много студентов и курсисток, рабочих было очень мало»³⁴, это же утверждала Фигнер³⁵. По словам Сергеева, «рабочих явилось ничтожное количество, так что демонстрировала одна учащаяся молодежь»³⁶. Чернавский отмечал: «Сравнительно с учащейся молодежью их [рабочих] было мало. Надо принять во внимание, что распропагандированные рабочие на петербургских фабриках представляли в то время редкое исключение»³⁷. Участник демонстрации А.Н. Бибергаль писал, что «молодежи собралось достаточно, но рабочих пришло весьма мало. Произошло это отчасти оттого, что агитация велась слабо, рабочие не были еще достаточно организованы, да и сознательных рабочих было очень мало. У меня накануне ночевало человек 10 рабочих, но цель и значение демонстрации им не были понятны, и они утром, в день демонстрации, повернулись в соборе и ушли»³⁸. При максимальной оценке, встречающейся в мемуарной литературе, рабочих было несколько десятков³⁹. «На площадь хлынул нигилист», а не пролетарий⁴⁰.

В несостоявшемся широком участии пролетариев землевольцы видели главный минус своей агитационной акции. «Нас подвели рабочие петербургских фабрик, — утверждал Сергеев, — обещавшие своим учителям — лицам, которые тогда вели на заводах пропаганду революционных идей, что они явятся во множестве, чтобы показать правительству силу рабочего класса; обещание не было исполнено, чем и объясняется неудача демонстрации»⁴¹. На площади появились только те редкие рабочие, которые были тесно связаны с пропагандистскими кружками, а такие были наперечет. По признанию удрученного Плеханова, Казанская демонстрация для пролетариев «могла быть интересна разве лишь как новое, невиданное зрелище. Для деятельного участия в ней у них не было никакого осязательного повода... Еще за несколько дней до демонстрации мы увидели, как несбыточны были розовые надежды задумавших ее революционных рабочих кружков. Но отступать было уже поздно»⁴².

Одна из причин того, что многочисленные петербургские пролетарии оказались в стороне от соборной площади, заключалась в недостаточном внимании к ним со стороны народнических пропагандистов. «Городской рабочий занимал второстепенное место в расчетах революционеров, ему посвящалась, можно сказать, только сверхштатная часть сил», — писал Плеханов в 1879 г., через три года. «В городе пропаганда велась между делом, в минуты, когда деревня почему-либо была недоступна для пропагандиста, и велась притом исключительно с целью выработать из городского рабочего пропагандиста для деревни же. Такое отношение к делу, естественно, исключало возможность как настойчивой, систематической пропаганды, так и, в особенности, организации городских рабочих, и в настоящее время дает себя чувствовать очень плачевными результатами». Пролетарий не рассматривался народниками как самостоятельная социальная сила в борьбе с самодержавием за социалистическую революцию. В нем видели того же крестьянина, пришедшего на заработки в город. Распропагандированным рабочим отводилась роль лишь агитаторов в деревне для поднятия крестьян на революцию: «Разойдясь по селам и деревням средней части России, из которой пополняется главным образом их контингент, — продолжал Плеханов, — городские рабочие сыграют роль “воровских прелестников”, оказавших столько услуг Разинскому и Пугачевскому движению»⁴³.

При этом немногие распропагандированные пролетарии не пользовались авторитетом и в своей заводской среде. «Рабочая масса относилась к рабочим-социалистам как к чему-то чуждому, относилась часто насмешливо, иногда даже враждебно, и это — факт такого рода, в котором, к прискорбию, не может не сознаться всякий знакомый с делом... Понятно, что при таком взаимном отношении самая пропаганда не могла иметь большого успеха и вылавливала только отдельных личностей, не увлекая за собою массы»⁴⁴. По признанию Михайлова, широкого влияния в рабочей среде землевольцы так и не приобрели⁴⁵.

Основной контингент демонстрантов 6 декабря составили студенты, курсистки, низшие слои интеллигенции. Потому считать выступление у Казанского собора *рабочей демонстрацией* неправомерно. Это было вполне интеллигентское протестное выступление с *попыткой привлечь рабочих*.

В советское время историческое значение «казанского» выступления было истолковано как первая рабочая демонстрация. Действительность приносилась в жертву подтверждению теории победившего марксизма-ленинизма, по которой гегемоном и движущей силой истории считался пролетариат. Э.А. Корольчук сделала научную карьеру, приписывая знаменитой демонстрации пролетарский характер⁴⁶; именно в таком освещении демонстрация 1876 года попала в школьные и вузовские учебники.

Итак, в исторический день манифестанты собрались возле правого портика собора, а также в самом храме иконы Казанской Богоматери. «Посторонних рабочих совсем не было», — писал Плеханов. «Мы видели, что сил у нас слишком мало, и решились выжидать. Рабочие разошлись по ближайшим трактирам, оставив у соборной паперти только небольшую кучку для наблюдения за ходом дел»⁴⁷.

«К концу совершавшегося в Казанском соборе богослужения, — сообщал “Правительственный вестник”, — начали в значительном числе собираться в храм молодые люди, по внешности коих можно было предполагать, что они принадлежат к числу учащейся молодежи. В группах молодых людей заметны были также и женщины»⁴⁸. Они не крестились, ходили по храму между царским местом и кафедрой, а «во время молебна вели себя весьма неприлично: шептались, смеялись и о чем-то сговаривались»⁴⁹. Молодые люди

пытались узнать, как будет проходить митинг, что им нужно делать, но никто ничего не знал. Оставалось только ждать.

К концу литургии церковный староста обратил внимание на то, что студенты не расходятся. Скопилась «толпа молодежи, человек в 150, и несколько частных лиц — заказчиков молебнов»⁵⁰. Чтобы отсрочить время, собравшиеся решили отслужить панихиду по умершим политическим заключенным. Но на этот день в царской семье были именинники, потому молебен полагалось только о здравии. Тогда кто-то из присутствующих предложил: «Если нельзя служить панихиду об умерших, надо служить молебен за здоровье живых, сидящих в тюрьмах». Из этого тоже ничего не получилось. Но вот по толпе пошел слух, что нужно выходить на площадь. Здесь «происходит, — вспоминает участник событий, — непродолжительное замешательство и колебание, на лицах выражение недоумения. Видимо каждый спрашивает себя: “где же это будет, здесь, или надо куда-нибудь продвинуться? И что мне нужно делать?”»⁵¹.

Демонстранты собрались на паперти собора с левой стороны. Плеханов, оказавшись в центре группы, взмахнул фуражкой и произнес речь, как утверждает Фигнер, экспромтом⁵². У него было достаточно времени для подготовки, но все-таки он импровизировал. Так получилось из-за того, что он вообще не должен был публично выступать. Для произнесения речи предназначался, по уверению О.В. Аптекмана, какой-то «другой товарищ»⁵³, Плеханова же берегли от ареста, подобно всем другим организаторам, не явившимся на демонстрацию. Судя по пересказам, выступление Плеханова было типичным для народнической агитации: оратор изобличал произвол помещиков и царских чиновников по отношению к крестьянству, а также эксплуатацию бесправных городских работников своими хозяевами. Перечислив «мучеников за народное дело» от декабристов до нечаевцев и долгушинцев, он причислил их к продолжателям борьбы Разина, Пугачева⁵⁴. Далее «молодой человек обратился к окружающим со следующими словами: “Мы всегда чтим этот день в память сосланных в каторжную работу...” и, произнеся засим несколько фамилий и невнятных слов, закончил свою речь криком: “Да здравствует свобода! ура!” Крик этот был подхвачен окружающими. Затем тот же молодой человек вынул из-за пазухи стоявшего около него крестьянского мальчика красный флаг с надписью на нем крупными буквами: “Земля и воля”, и махал им, продолжая кричать “ура!” При этом несколько человек, стоявших в центре группы, подняли на руки подростка, который тоже кричал “ура”, махая флагом»⁵⁵. Это был шестнадцатилетний Яков Потапов, неграмотный, выходец из деревни Тверской губернии, с малолетства отданный на фабрику Торнтон в Петербурге и нашедший сочувствие у народнических пропагандистов.

«Собственно программа демонстрации еще не была выполнена, — утверждал Бибергаль, — но сравнительно небольшое число собравшихся заставило этим ограничиться»⁵⁶. Чернавский дал подробное описание митингу, происшедшему у паперти: «Площадь представляла обычный вид, какой она имеет в праздничные дни и в этот час (было около половины первого). Только в одном углу, который во всякое время обычно пустует, остановился плотный людской клубок, откуда слышится речь. Понятно, что этот клубок тотчас же привлекает внимание огромной толпы гуляющих по Невскому и запоздалых богомольцев, выходящих из собора. Вокруг клубка образуется и быстро растет кольцо любопытных. По панелям Невского в этот час течет почти сплошная река гуляющих. Мало-помалу эта река совсем застопорилась, так как многие пешеходы остановились, им хочется узнать, что, собственно, происходит в углу площади. Но не одна только публика обратила внимание на демонстрантов. С первых слов оратора с разных сторон разда-

ются свистки городских, сзывающие дворников». Вся демонстрация вместе с речью Плеханова продолжалась не более пяти минут⁵⁷. «Засим некоторые кричали, чтобы не расходиться, а направиться всем вместе по Невскому проспекту, другие же кричали, чтобы расходиться; в это время подоспел околочный надзиратель с городовыми»⁵⁸.

Петербургжцы, случайно оказавшиеся вблизи, пытались понять, что происходит. Одни строили догадки о приезде государя императора; другие предполагали, что «восстали поляки»; третьи полагали, что идет панихида по убитым в Сербии, а процессия устроена с целью объявления войны Турции; иным показалось, что кого-то переехал извозчик. Многие из праздных наблюдателей не могли разобрать слов оратора, но слышали «ура, или что-то вроде этого»⁵⁹. Но когда началась потасовка с полицией, стало ясно, что происходит.

После речи Плеханова началась непредусмотренная драка: у митингующих не было никакой договоренности и указаний, нужно или не нужно оказывать сопротивление властям⁶⁰. Полиция тем временем стала разгонять и арестовывать «протестующую публику». Отбиваясь, демонстранты двигались к памятнику М.И. Кутузову и далее к углу Невского проспекта, к дому Лесникова. Группа землевольцев под водительством Михайлова⁶¹, сплотилась вокруг оратора и не давала его в руки полиции. На Плеханова надели башлык, что изменило его внешность. К тому же полиция, не разобравшись, приняла за оратора студента И.А. ГERVасия⁶², которого поймали и отправили впоследствии на скамью подсудимых⁶³.

Между тем та группа, где находился Плеханов, «ответила полиции самым энергичным отпором, обратила нападающих в бегство, — как говорилось в листовке, отпечатанной в типографии “Вперед” и разосланной по почте по всей России. — Полицейские собрались в более значительном числе; к ним присоединились переодетые жандармы. Три раза повторялся натиск на ту же группу лиц, и каждый раз встречал отчаянное сопротивление»⁶⁴, некоторые женщины участвовали в рукопашной схватке наравне с мужчинами. Оратора удалось отстоять и увести с площади. Благополучно ушел и главный организатор акции Натансон, сопровождаемый Г.Н. Преображенским. Правда, он ни во что не вмешивался и наблюдал за происходящим со стороны⁶⁵. Михайлов также избежал ареста — «благодаря приличию костюма»⁶⁶.

Полицейские одолели демонстрантов с помощью шпииков, приказчиков и дворников, которым вменялись «охранительные обязанности». Помогали также мясники, носильщики, лавочники, сторожа и певчие из собора.

Крепко досталось всем, попало и кое-кому из любопытствующих. Например, в группу демонстрантов затесался «из интереса» носильщик Кашенцов. «Слышу, городской дал несколько свистков и захватил одного, — рассказывал пострадавший. — Человека два повернулись — один в ухо, а другой — в другое. Я схватился за городского. Говорю: нельзя так безобразить. Они начали на меня нападать. Я рассердился. Думаю: ну, так все равно, коли меня бить, так я вас не выпущу. Схватил одного, повалил и лежу на нем. Тут меня кто за рукав, кто за полу, кто за что — все пальто разорвали, и стали пинками бить. Какой-то лавочник увидал, что человека так терзают, ну, и заступился... Я встал не в своем уме, ошалевши; побежал на площадь и вижу, они делают рассыпной строй, а их хватают. У меня пальто осталось на площади у церкви. Я подумал: побили, да еще и пальто унесут. Воротился к церкви, взял пальто, и домой»⁶⁷.

Мещанин Кубов из числа глазееющих также решил подойти к толпе дерущихся. Здесь неизвестно кто ударил его по затылку. «Я упал и побоялся встать, — рассказывал потерпевший, — лежа взглянул исподтишка и вижу, что какая-то дама схватила меня за волосы и начала таскать; потом еще уви-

дел стриженую. Потом я вскочил на ноги и увидел: околоточный надзиратель барахтается с господином. Околоточный просит помощи; я помог». Когда полицейский и мещанин, поплатившийся за любопытство, вели задержанного господина в участок, их били всех троих. На вопрос: почему их всех били, свидетель объяснил: «Господина били из публики: говорили, что он поляк, а нас били эти господа [участники митинга] за то, что мы вели его»⁶⁸.

Хватали всех, кто внешностью и одеждой отличался от прочей публики: короткие пальто, студенческие куртки, шали, пледы, широкополые шляпы, очки, брюки, заправленные в сапоги. У юношей длинные волосы, а у девушек остриженные. Забирали в околоток тех, кого поймали. «Конечно, тут происходили и курьезы, — вспоминал Бибергаль. — Так, какой-то купец, желая показать свою ревность, схватил студента и стал тащить его в участок, но на счастье студента тут оказался доктор Веймар⁶⁹; он быстро нашелся, схватил купца с другой стороны и вместе со студентом, привел его в участок. Купец плакал и клялся, что он не “из этих”, и его, наконец, отпустили»⁷⁰.

Плеханов свидетельствовал, что некоторые из митингующих были вооружены кастетами и отчаянно защищались. «С их стороны в особенности отличился тогда студент NN. Высокий и сильный, он поражал неприятелей, как могучий Аякс, сын Теламона, и там, где появлялась его плечистая фигура, защитникам порядка приходилось жутко. Как ни старалась схватить его полиция, он счастливо отбил все нападения и возвратился домой таким же “легальным” человеком, каким пришел на площадь. Пострадавшие от него защитники “порядка” знали только, что их тузил какой-то высокий сильный брюнет, но лица его они совсем не запомнили. Когда потом, уже по окончании столкновения на площади, им встретился на Морской А.П. Боголюбов-Емельянов, они вообразили, что он-то и есть их победоносный неприятель»⁷¹.

Но Боголюбов-Емельянов не принимал участия в демонстрации, оставаясь ее принципиальным противником. Во время проведения митинга он отправился в тир учиться стрелять. После того как на площади навели порядок, он появился там и стал расспрашивать случайных очевидцев, что произошло. К несчастью, на нем были широкополая шляпа и плед. И его отправили в участок; обнаруженный у него револьвер послужил уликой⁷². Судьба юноши была предрешена. Надо заметить, что был еще один револьвер, найденный полицейскими между дверьми; кто выбросил его при задержании, следствием так и не было выяснено⁷³.

Физиономию знаменщика Я. Потапова полиция отчетливо не заметила, и сразу его поймать не удалось, вероятно, потому, что «по платью он не был похож ни на одного, которых арестовывали», хотя на нем был приметный нагольный полушубок. Он с Верой Фигнер и ее сестрой Евгенией пошел по Невскому. Барышни приглашали Якова на обед⁷⁴. Среди передовой интеллигенции было принято звать рабочих к себе в гости на домашнее угощение, при этом они друг друга очень стеснялись.

Между тем верноподданный соглядатай, некий крестьянин Рябинин, все время следил за знаменщиком, но ни одного полицейского по пути не попадалось, чтобы сдать его властям. Только у Публичной библиотеки оказался городской, и доброхот указал на мальчика. Вдвоем они отвезли Потапова на извозчике в канцелярию жандармского управления. На двух девиц в серых шапочках правоохранители не обратили никакого внимания, и они благополучно уехали на другом извозчике. Знаменщик, проезжая мимо Аничкова дворца — резиденции великого князя Александра Александровича, будущего царя Александра III, — стал кричать: «Да здравствует свобода!» И городской зажал ему рот. При обыске у него нашли «в панталонах флаг из кумача»⁷⁵.

Полиция арестовала 36 человек ⁷⁶ и доставила их в 1-й участок Казанской части. Среди них оказались и такие, кто не принимал никакого участия в протестной акции, но попали в облаву.

В участке задержанных избили ⁷⁷. К тому же, как водится, обобрали: «Полицейские не стесняясь клали мелкие вещи и деньги себе в карманы» ⁷⁸.

Арестованных подвергли избиению дважды. Сначала перед тем как посадить в кутузку, а второй раз вечером, перед выяснением личности и отправкой в «Предварилку» ⁷⁹, то есть в Дом предварительного заключения. Больше других досталось непричастному Боголюбову-Емельянову. Его привели последним. Когда его стали бить, он пробовал выстрелить, но у него выбили барабан с патронами, и в руках у арестованного остались дуло и рамка, куда вставляется барабан ⁸⁰. Тогда он стал отбиваться рукоятью револьвера. Избиение превратилось в истязание, ему разбили голову, а черной лентой, на которой висел револьвер, чуть не задушили ⁸¹. А в это время в соседней комнате полицейского участка сидел помощник градоначальника генерал А.А. Козлов. Он, конечно, все видел и слышал, но считал полицейское рукоприкладство обыденным явлением и не вмешивался в «следственные действия» младших чинов.

17 декабря последовало высочайшее повеление Александра II: предварительного следствия не производить, а обвинительный акт составить на основании материала, добытого предварительным дознанием. Из осторожности власти спешили поскорей расправиться с протестантами и ради этого сократили разбирательства, пренебрегая процессуальными нормами.

На скамью подсудимых отобрали 21 человека. Судили в Особом присутствии Сената 18—25 января 1877 года. Дело слушалось в здании окружного суда на Литейном проспекте при переполненном зале, куда пускали только по билетам. Суд был скорый и пристрастный.

Обвинительный акт содержал множество юридических изъянов и явные противоречия, искажения показаний допрошенных дополнялись подтасовкой следственных материалов. На суде свидетели путались, показывали совсем не на тех, на кого надо было, или не могли признать тех лиц, которых опознали на дознании ⁸².

Прокурор Петербургской палаты К.И. Поскочин, чиновник исполнительный и не самый худший, оказался в затруднительном положении. Те, кого он допрашивал, отмечали, что он «отличался большой либеральной подкладкой» ⁸³. Но перед прокурором встала в сущности невыполнимая задача — осудить людей за деяние, не предусмотренное действующим «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных». В самодержавной России никогда не проводились массовые антиправительственные митинги, и в законодательстве отсутствовала статья о наказании за такие деяния. По действовавшим юридическим нормам, участников «казанской» акции было не за что судить: состав преступления отсутствовал. Но не тут-то было. Сенат причислил манифестацию к категории политических бунтов, применив ст. 252, относившуюся к тому отделу Уложения, где рассматривались «бунты против власти верховной», то есть российского самодержца, и «дерзостно отрицался установленный государственными законами образ правления или порядок наследия престола» ⁸⁴. Со всей очевидностью состоявшееся выступление ни в коем случае не было бунтом против верховной императорской власти.

За демонстрантами еще числилась драка у собора. Здесь пошла в ход суровая ст. 269: «Оказание явного, соединенного с насилием, сопротивления служителям местной полиции» и «преступное противодействие властям законным». Между тем известный адвокат Г.В. Бардовский отметил что в «Уставе о наказаниях» имеется другая статья, вполне уместная для подсудимых.

По ст. 30, «когда слушание оказано жандармам и другим полицейским служителям, наряженным для соблюдения порядка при многочисленном стечении народа, то виновники подвергаются аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше 25 рублей». А ст. 31 определяла: «За оскорбление полицейских или других стражей... во время отправления ими должности, виновные подвергаются за обиду действием аресту не свыше трех месяцев». В заключение защитник заявил, что «в данном случае подсудимых невозможно судить за то, в чем они обвиняются».

Не будь исход дела заранее предопределен Александром II, процесс кончился бы пустячными приговорами. Но Особым присутствием подсудимые были признаны виновными «в дерзостном порицании установленного государственными законами образа правления и в насильственном сопротивлении полицейским властям». Подсудимые с этим не соглашались. Чернавский, например, в последнем слове заявил: «Я обнаружил только человеческие чувства к страдальцам за убеждения»⁸⁵.

Приговор поразил всех невиданной жестокостью и несправедливостью. За пять минут свободного изъяснения своего мнения людей приговорили к долгим годам заключения. Пятеро обвиняемых были осуждены на каторгу от 10 до 15 лет, другие к ссылке на поселение. Боголюбов-Емельянов получил 15-летний каторжный срок. С тремя рабочими Яковом Потаповым, Матвеем Григорьевым и Василием Трофимовым суд поступил необычным образом. Он принял во внимание «свойственное их летам легкомыслие» и то обстоятельство, что, «принадлежа к крестьянскому сословию, они могли быть вовлечены в преступление только чуждой этому сословию средой, из которой исходят преступные стремления». По ходатайству суда, царским повелением 19 мая 1877 г. их разослали в отдаленные монастыри сроком на пять лет «для исправления их нравственности»⁸⁶. Трех подсудимых признали невиновными.

Итоги демонстрации оказались неутешительными. Народу собралось удручающе мало, притом учащаяся молодежь, а не рабочие. Массовое выступление пролетариата не состоялось. Идейные задачи протестного выступления не получили широкого распространения среди демонстрантов и даже отчасти от них скрывались. План проведения акции не был выработан. Главные инициаторы, которые должны бы были руководить собравшимися, не явились на площадь. Протестная публика не знала, что ей делать, и пребывала в вопросительном ожидании. Митинг прошел самотеком, неорганизованно, что было предопределено еще на стадии его подготовки. Наконец, демонстрация так быстро закончилась, что ее можно называть самой краткой из всех антиправительственных демонстраций, бывших в дореволюционной России. Многие из этих просчетов объясняются тем, что выступление готовили народники-бунтари, анархисты по своим взглядам, это и сказалось на результатах.

Либерально-демократическая историография была не склонна преувеличивать итоги казанского предприятия. «Затея эта кончилась полной неудачей»⁸⁷, — писал А.А. Корнилов. В.Я. Богучарский отметил, что демонстрация, устроенная землевольцами, была безуспешной и в то время фактом единичным⁸⁸. В 1920-е годы Д. Кузьмин (Е.Е. Колосов) крайне низко оценивал «казанскую» манифестацию: «Собственного говоря, и “демонстрации” не получилось никакой»⁸⁹. Однако один из первых историков «Земли и воли» Е.А. Серебряков судил иначе: «В первую минуту эта демонстрация произвела удручающее впечатление... Но правительство само постаралось исправить ошибку революционеров. Суровый приговор над казанцами вызвал общий крик негодования и вместе с тем показал обществу, что демонстрация, очевидно, уже не так была смешна, если правительство вынуждено было прибегнуть к столь суровым мерам»⁹⁰. Мирная демонстрация приравнивалась к бунту.

На современников землевольческая манифестация произвела тяжелое впечатление. В их глазах последствия акции выглядели угнетающе: дикая расправа на площади, избиения в полицейском участке и в конечном счете чудовищный судебный приговор. Все это порождало чувство возмущения и разочарования.

Выступление у собора отрицательно оценивалось в радикальных кругах. Сам Плеханов расценивал результаты митинга как весьма неудовлетворительные: «Казанская демонстрация была первой попыткой практического применения наших понятий об *агитации*. Понятия эти были в то время еще *слишком отвлеченны*, и уже по одному этому не могло быть удачным их практическое применение. Казанская демонстрация наглядно показала, что мы будем всегда оставаться одни, если в своей революционной деятельности будем руководствоваться лишь своим отвлеченным пристрастием к “агитации”, а не существующим настроением и данными насущными нуждами той среды, в которой собираемся агитировать»⁹¹.

Петербургских «бунтарей-народников» обескуражили последствия демонстрации. Земледелец Сергеев вспоминал: «Выяснилось очень скоро, что демонстрация не удалась... Мы рассчитывали провести удачную демонстрацию, чтобы приостановить преследование молодежи и рабочих и вызвать сочувствие общества». А вышло наоборот: последовавшие за выступлением аресты грозили разрушить уже создававшуюся организацию⁹². В рабочей среде акцию у Казанского собора также многие считали неудачной⁹³.

Все наиболее известные и влиятельные народнические группы отнеслись к митингу, затеянному кружком «троглодитов», с осуждением. По воспоминаниям О.С. Любатович, петербургские народники, приглашенные на площадь у Казанского собора не знали о целях и задачах акции, что закончилось для них плачевно: «Многие из молодежи, пришедшие просто на панихиду (по Чернышевскому) и ничего не знавшие о замыслах этого кружка, поплатились долголетней каторгой и ссылкой, после Казанской демонстрации кружок этот с нечаевскими традициями потерял на время престиж в революционном мире»⁹⁴.

С резкой критикой демонстрации выступил яacobинец П.Г. Зайчневский⁹⁵, который всеми силами противодействовал участию своих последователей «в подобных безумных и бессмысленных действиях»⁹⁶. В некрологе Зайчневского говорится, что «особенно отвратила его от “Земли и воли” Казанская демонстрация, где он увидел прежде всего недостаток организации и несерьезность организаторов. Ему удалось тайно приехать в Петербург, и на одной студенческой квартире он отчитал оратора (делая вид, что не знает, что этот оратор в той же комнате), осмелившегося произнести речь, когда организаторами было решено произносить ее только в том случае, когда соберется на площади три тысячи рабочих. Оратор должен был молча слушать, как Зайчневский его клеймил»⁹⁷. Негативно к митингу отнесся и М.П. Драгоманов, а также русская революционная пресса за границей — журналы «Вперед», «Набат», «Работник» и др.

Либералы откровенно издевались: «Вестник Европы» разразился статьей против молодежи за ее «нетактичность и донкихотское выступление», уподобив все предприятие «крестовому походу под предводительством козы и гуся»⁹⁸. Знаменитый адвокат А.Ф. Кони полагал, что выступление было совершенно беспочвенным и вызвало со стороны общества весьма равнодушное к себе отношение. Извозчики и приказчики из лавок бросались помогать полиции и бить кнутами и кулаками «господ и девок в платках»⁹⁹. В перлюстрированной III отделением переписке между Я. Якушкиным и проректором Московского университета П. Барсовым говорилось, что эта «демонстрация нисколько не важнее кабачной драки»¹⁰⁰.

Мнение о столичной демонстрации в различных социальных слоях провинции было по большей части равнодушно отрицательным. Начальник Новгородского губернского жандармского управления доносил по поводку «беспорядков» в Петербург, что большая часть жителей Новгорода и губернии «принимает слух о случившемся происшествии как-то апатично, как будто случай этот не имеет решительно никакого значения и совершенно обыденный — ничто их не передергивает. Так что если бы сообщалось какая-нибудь ловкая мошенническая проделка, то, мне кажется, мотивы такого случая произвели бы на слушающих несравненно больший интерес»¹⁰¹.

Однако от крестьян слышны были и иные отзывы. Побывавший в Малороссии товарищ Плеханова рассказывал, что раз при нем между крестьянами зашла речь о событии. «Они хорошего хотели, — заметил один старик, — этого все хотят, нам всем нужна земля и воля». Тот же старик никак не хотел поверить, что революционеров могут преследовать за столь справедливые требования. «Ничего им не было, — утверждал он, — просто царь призвал их к себе и сказал: подождите, хлопцы, будет вам и земля, и воля, только не надо об этом кричать на улицах»¹⁰².

Среди всей разноголосицы мнений было высказано одно суждение, исторически дальнзоркое, предвосхищавшее насущные задачи российского общества. Речь идет о рукописной брошюре «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 года»¹⁰³. Списки брошюры ходили в народническом подполье. Экземпляр ее впервые попал в руки властей в 1877 г. с отобранными книгами и бумагами землевольца Н.Н. Хазова¹⁰⁴. Другой экземпляр полиция обнаружила в следующем году у члена землевольческого центра А.Д. Оболенева¹⁰⁵. Еще один экземпляр был в распоряжении З. Ралли-Арборе¹⁰⁶, видимо, из архива журнала «Вперед», издававшегося П.Л. Лавровым за границей.

Ни полицейским, ни историкам так и не удалось выявить автора. П.С. Ткаченко считал вероятным, что рукопись могли составить весной 1876 г. Михайлов и Оболенев. Кузьмин (Колосов) не без оснований полагал, что «автором рукописи А.Д. Михайлов не был, но искать автора ее нужно где-то вблизи, около этого замечательного деятеля 70-х гг., обладавшего более, чем кто-либо другой в ту эпоху, гениальными способностями, все еще недооцененными нашими историками». Ибо «до какой-то степени основные идеи этой рукописи совпадают с основными идеями Михайлова, как они сформулированы им самим в его показаниях»¹⁰⁷. Но Кузьмин основывался только на некотором совпадении взглядов Михайлова и автора рукописи, причем Михайлов пришел к этим политическим убеждениям только через три года после демонстрации. На роль автора брошюры Кузьмин предположительно выдвигал Плеханова, в это время близко стоявшего к Михайлову, который и понудил его взяться за перо¹⁰⁸. Гипотеза эта весьма сомнительна, так как Плеханов в 1876 г. только начинал свою публицистическую деятельность, причем в русле правоверного народничества, и на идейные новации был тогда едва ли способен.

Во всяком случае, автор (или авторы) брошюры «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 г.» вполне разделял общепринципальные и тактические воззрения бунтарского народничества, культивировавшиеся в «Земле и воле». Однако он настойчиво проводил мысль о необходимости *политической борьбы* за гражданские свободы, что не входило в анархо-бакунистскую доктрину землевольцев. Программа «Земли и воли» была нацелена на крестьянскую социалистическую революцию, с близким торжеством которой и установятся в стране сами собой демократические институты. Вполне утопический характер этой программы показала российская дей-

ствительность. Игнорирование политической борьбы было сломлено лишь в «Народной воле», которая первоочередным лозунгом выдвинула демократизацию страны.

Автор брошюры задолго до этого выдвинул «политический постулат», апеллируя к социальному опыту Запада. Публицист утверждал, что, столкнувшись «со всей современной политической системой», нужно завоевать и «пользоваться тем, что называют политической свободой, то есть свободой слова, схода, совести, печати».

В этом и было подлинное историческое значения демонстрации 6 декабря, не осознанное ее устроителями и участниками. Митинг у собора впервые в стране провозгласил требования прав человека и демократических свобод: тех социальных институтов, при которых лишь и возможно прогрессивное развитие общества. Именно этих преобразований добивались в течение всего освободительного движения в России многие поколения русской демократической интеллигенции. И не случайно площадь у Казанского собора стала по традиции местом их публичных протестов.

Последствия демонстрации ощутимо сказались и в народническом движении 70-х годов, и в непосредственной деятельности «Земли и воли». Ее руководители, считавшие выступление 6 декабря неудавшимся, никогда больше не прибегали к митинговым формам протеста. Вместе с тем, как отметил В.Ф. Антонов, «тот факт, что после демонстрации они (землеволюцы. — Ю.П.) усилили пропаганду среди рабочих, свидетельствует о пользе извлеченного из нее опыта»¹⁰⁹. Землеволюцы действительно активизировали пропаганду среди рабочих Петербурга и других городов. Они искали новых путей сближения с пролетариями и одновременно стремились к расширению своей организации.

По заключению О.Д. Соколова, «демонстрация на Казанской площади способствовала вовлечению в пропагандистские кружки новых слоев рабочих»¹¹⁰. Между тем, как признавал впоследствии Плеханов, его товарищи «проповедовали им не социализм и даже не либерализм, а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать “буржуазные” политические права и “буржуазную” политическую свободу и ставил перед ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения»¹¹¹.

В то же время демонстрация усилила экстремистские настроения в левом крыле народничества. Неправедный и жестокий суд над ее участниками вызывал справедливые протесты. Но искать правосудия было негде и не у кого, ибо в самодержавной стране отсутствовали юридические нормы, защищавшие интересы личности и общества; они оказывались бесправны и бессильны перед лицом монархической власти. И выход усматривался в насильственном противодействии имперским силам. Радикальная молодежь все больше склонялась к насильственным действиям.

Не случайно события 6 декабря получили продолжение в так называемой боголюбовской истории. Боголюбов-Емельянов, несправедливо осужденный, был подвергнут в Доме предварительного заключения наказанию розгами по произволу петербургского полицеймейстера Ф.Ф. Трепова. Дело получило огласку и вызвало всеобщее негодование. В ответ Вера Засулич, которая даже не была знакома с Боголюбовым-Емельяновым, стреляла в самоуправного начальника полиции¹¹². На суде она объяснила, что хотела привлечь внимание общественности к факту надругательства властей над человеческим достоинством. Суд присяжных заседателей оправдал ее¹¹³. «Парадоксальным образом, этот абсолютно незаконный акт стал своеобразным средством защиты закона и прав личности», — отмечает историк¹¹⁴. Оправдание террористки было встречено с одобрением либерально-демократической общественностью. При выходе Засулич из здания окружного суда, где

год назад осудили «казанцев», произошла стихийная уличная демонстрация. Жандармы попытались арестовать оправданную подсудимую. Толпа отстояла ее, но в свалке с полицией погиб студент Г.П. Сидорацкий.

С этого момента наступил перелом не только в настроениях революционных народников, но и в их тактике борьбы. В демонстрации 1876 г. сопротивление полиции вылилось лишь в рукопашное сражение с кастетами. Но оставался только один шаг до револьвера, который был в руках Боголюбова-Емельянова. Теперь нигилисты уже не стеснялись стрелять в представителей власти на каждом шагу. Начался террористический поход против царского правительства, который закончился убийством императора Александра II.

Примечания

1. В подполье кружок именовали по-разному: «Северная народная революционная организация», «Северно-народническая группа», «Общество северных народников», «Общество народников», а недоброжелатели, например, лавристы, называли членов сообщества «троглодитами».
2. ПОПОВ М.Р. Записки землепольца. М. 1933, с. 74.
3. ЧЕРНАВСКИЙ М.М. Демонстрация 6 декабря 1876 г. — Каторга и ссылка, 1926, № 7-8, с. 10—11.
4. Архив Дома Плеханова, филиал Российской национальной библиотеки (АДП), АД (архив Л.Г. Дейча). 6.419, л. 7об. ДЕЙЧ Л.Г. Г.В. Плеханов, его жизнь и деятельность. К двадцатилетию его смерти. Автограф. 1938.
5. Звенья. Т. 3—4. М.—Л. 1934, с. 734. Н.И. Павликов — Плеханову, 30.V.1917.
6. ПЛЕХАНОВ Г.В. Русский рабочий в революционном движении. В кн.: ПЛЕХАНОВ Г.В. Соч. Т. 3. М. 1927, с. 149.
7. Показания А.Д. Михайлова на следствии. В кн.: ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГНЕР В.Н. А.Д. Михайлов. М.—Л. 1925, с. 110—111. Цитируя этот текст, трудно отделаться от исторической ассоциации: в словах Михайлова звучат те же призывы, которые так часто повторяли отечественные диссиденты советского времени в своих выступлениях об «узниках совести».
8. ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П. А.Д. Михайлов. Вступительная статья. В кн.: ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГНЕР В.Н. Ук. соч., с. 9.
9. ФИГНЕР В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. М. 1964, с. 144.
10. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 111.
11. Настоящая фамилия — Емельянов; он жил по фиктивным документам личного почетного гражданина Архипа Петровича Боголюбова.
12. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Воспоминания о демонстрации на Казанской площади. — Каторга и ссылка, 1926, № 7-8, с. 27.
13. Институт русской литературы. Отдел рукописей (ИРЛИ ОР), ф. 266 (Редакция журнала «Русское богатство»), оп. 2, д. 497, л. 44. СЕРГЕЕВ Н.И. Из жизни людей семидесятых годов (Воспоминания). I.V.1917. Машинопись с правкой автора и В.Г. Короленко.
14. ЧЕРНАВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 213.
15. О Распорядительном совете и своем участии в нем говорил на следствии Я.Е. Гурович, давший откровенные показания и осужденный по делу демонстрации (Первая рабочая демонстрация в России. К пятидесятилетию демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6/18 декабря 1876 г. Сб. воспоминаний и документов. М.—Л. 1927, с. 52.).
16. ИРЛИ ОР, ф. 266, оп. 2, д. 497, л. 70. СЕРГЕЕВ Н.И. Из жизни людей семидесятых годов.
17. ЧЕРНАВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 7.
18. КУЗЬМИН Д. (КОЛОСОВ Е.Е.). Казанская демонстрация 1876 г. и Г.В. Плеханов. — Каторга и ссылка, 1928, № 5, с. 9; ДЕЙЧ Л.Г. Плеханов в «Земле и Воле». В кн.: Группа Освобождение труда. Сб. Вып. 3. М. 1925, с. 45.
19. ЧЕРНАВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 12.
20. Позднее Плеханов заявлял, что ему были неизвестны инициаторы несостоявшегося выступления у Исаакиевского собора. «Мы нарочно выбрали другое место — Казанский собор — для нашей демонстрации» (ПЛЕХАНОВ Г.В. Ук. соч., с. 149).
21. ПОПОВ М.Р. Ук. соч., с. 74.
22. ПЛЕХАНОВ Г.В. Ук. соч., с. 150.
23. МОИСЕЕНКО П.А. Воспоминания старого революционера. М. 1966, с. 19.
24. МОИСЕЕНКО П.А. Революционное движение среди рабочих Петербурга 1875—86 гг. — Летопись революции, 1923, № 5, с. 113.

25. ИРЛИ ОР, ф. 266, оп. 2, д. 497, л. 44; ЧЕРНАВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 13—14.
26. ПЛЕХАНОВ Г.В. Ук. соч., с. 150.
27. АДП, АД, 8.481, л. 40б. ДЕЙЧ Л.Г. Революционное движение от начала 70-х годов. По личным воспоминаниям. [1920-е годы].
28. ИРЛИ ОР, ф. 266, оп. 2, д. 497, л. 43.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ.), ф. 109 (III отделение), 3-я эксп., 1876 г., д. 253, ч. 1, л. 2. Записка для памяти СПб. градоначальника, 6.XII.1876.
30. Там же, л. 5. Всеподданнейший доклад по III экспедиции III отделения, 15.XII.1876.
31. ЧЕРНАВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 15—16.
32. Дело о преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади в С.-Петербурге 6 декабря 1878 г. В кн.: Государственные преступления в России в XIX в. Сб. политических процессов и других материалов, относящихся к истории революционных и оппозиционных движений в России. Т. 2 (1877 год). Ростов-на-Дону. 1906, с. 16.
33. ПОПОВ М.Р. Ук. соч., с. 79.
34. МОЙСЕЕНКО П.А. Ук. соч., с. 113.
35. ФИГНЕР В.Н. Ук. соч., с. 145.
36. ИРЛИ ОР, ф. 266, оп. 2, д. 497, л. 44.
37. ЧЕРНАВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 16.
38. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Ук. соч., с. 25.
39. ГОЛУБЕВ Я. Из воспоминаний старого землевольца. В кн.: Наш край. Историко-революционный сб. царьцынского истпарта. Вып. 1. Царьцын. 1924, с. 78.
40. ГАРФ, ф. 109, 3-я эксп., 1876 г., д. 253, ч. 1, л. 60. Письмо А.Г. Топорковой в Дом предварительного заключения, 11.XII.1876. Без подписи.
41. ИРЛИ ОР, ф. 266, оп. 2, д. 497, л. 50.
42. ПЛЕХАНОВ Г.В. Ук. соч., с. 150. Между тем Плеханов, противореча самому себе, на той же странице утверждает, что рабочих пришло 200—250 человек. Тогда «интеллигентская» часть митинга, значительно превосходившая рабочую, должна была быть не менее 400—500 человек; в итоге получается совершенно нереальный итог в 600—750 человек.
43. П[ЛЕХАНОВ Г.В.] [Передовая статья.] Закон экономического развития общества и задачи социализма в России — Земля и воля, 20.II.1879, № 4. В кн.: Революционная журналистика семидесятых годов. Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России». Paris. 1905, с. 324.
44. Там же, с. 325.
45. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 101.
46. КОРОЛЬЧУК Э.А. Первая рабочая демонстрация в России. В кн.: Первая рабочая демонстрация в России; ЕЕ ЖЕ. Рабочие на Казанской демонстрации. — Борьба классов, 1935, № 7—8; ЕЕ ЖЕ. Демонстрация 6 декабря 1876 г. на Казанской площади — первая рабочая демонстрация в России. В кн.: ЕЕ ЖЕ. «Северный союз русских рабочих» и рабочее движение 70-х гг. XIX в. в Петербурге. Л. 1946. См. также: ВОЛКОВИЧЕР П. Первая рабочая демонстрация. — Пролетарская революция, 1926, № 12.
47. ПЛЕХАНОВ Г.В. Русский рабочий в революционном движении, с. 150.
48. Правительственный вестник, 1876, № 276.
49. ГАРФ, ф. 109, 3-я эксп., 1876 г., д. 253, ч. 1, л. 5. Копия всеподданнейшего доклада по 3-й эксп., 15.XII.1876.
50. Дело о преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади в С.-Петербурге 6 декабря 1878 г., с. 3.
51. ЧЕРНАВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 13.
52. ФИГНЕР В.Н. Ук. соч., с. 145.
53. Пометки О.В. Аптекмана на статье о Г.В. Плеханове. — Каторга и ссылка, 1928, № 5, с. 46.
54. Рабочее движение в России в XIX в. Т. 2. Ч. 2. М. 1950, с. 189.
55. Правительственный вестник, 1876, № 276.
56. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Ук. соч., с. 25.
57. ЧЕРНАВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 14, 16.
58. ГАРФ, ф. 109, 3-я эксп., 1876 г., д. 253, ч. 1, л. 50б. Копия всеподданнейшего доклада по 3-й экспедиции.
59. Дело о преступной демонстрации, с. 20, 29, 35, 47, 38—39, 51, 72, 54.
60. ЧЕРНАВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 135.
61. Письма народовольца А.Д. Михайлова. М. 1933, с. 222.
62. БУРЦЕВ В.Л. За сто лет (1800—1896). Сб. по истории политических и общественных движений в России. Lnd. 1897, с. 89.
63. ГАРФ, ф. 109, 3-я эксп., 1876 г., д. 253, ч. 1, л. 5. Во всеподданнейшем докладе даже пересказывается речь оратора, приписанная И.А. Гервасию.
64. Листовка о демонстрации 6 декабря 1876 г. В кн.: Историко-революционный сб. Т. 2. Л. 1924, с. 320.

65. ИРЛИ ОР, ф. 266, оп. 2, д. 497, л. 46.
66. Письма народовольца А.Д. Михайлова, с. 222.
67. Дело о преступной демонстрации, с. 39.
68. Там же, с. 37—38.
69. Орест Веймар был известным врачом в Петербурге. Находился в близких отношениях с революционерами и оказывал им поддержку.
70. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Ук. соч., с. 27.
71. ПЛЕХАНОВ Г.В. Русский рабочий в революционном движении, с. 153.
72. Дело о преступной демонстрации, с. 60—61; ПОПОВ М.Р. Ук. соч., с. 79.
73. Дело о преступной демонстрации, с. 5, 35.
74. ФИГНЕР В.Н. Ук. соч., с. 144—145.
75. Там же; Дело о преступной демонстрации, с. 41—42, 5.
76. ГАРФ, ф. 109, 3-я эксп., 1876 г., д. 253, ч. 1, л. 6.
77. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Ук. соч., с. 26; Дело о преступной демонстрации, с. 44—45, 60, 115.
78. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Ук. соч., с. 26.
79. ЧЕРНАВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 16.
80. Дело о преступной демонстрации, с. 34, 43, 116.
81. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Ук. соч., с. 26; Дело о преступной демонстрации, с. 13.
82. Дело о преступной демонстрации, с. 33, 38, 43, 45, 53, 55, 58.
83. ВОЛКОВ С.К. Автобиография рабочего-революционера 60-х — 70-х годов XIX века. В кн.: В начале пути. Воспоминания петербургских рабочих 1872—1897 гг. Л. 1975, с. 148.
84. Дело о преступной демонстрации, с. 78.
85. Там же, с. 115.
86. Там же, с. 118.
87. КОРНИЛОВ А.А. Общественное движение при Александре II (1855—1881). М. 1906, с. 211.
88. БОГУЧАРСКИЙ В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М. 1912, с. 240.
89. КУЗЬМИН Д. (КОЛОСОВ Е.Е.). Ук. соч., с. 37.
90. СЕРЕБРЯКОВ Е.А. Очерки по истории «Земли и воли». СПб. 1906, с. 15—16.
91. ПЛЕХАНОВ Г.В. Русский рабочий в революционном движении, с. 155.
92. ИРЛИ ОР, ф. 266, оп. 2, д. 497, л. 43.
93. ГОЛУБЕВ Я. Ук. соч., с. 78.
94. ЛЮБАТОВИЧ О.С. Далекое и недавнее. М. 1930, с. 28—29.
95. КОЗЬМИН Б.П. Зайцевский в Орле и кружок «орлят» 1873—1877 гг. — Каторга и ссылка, 1931, № 10, с. 116—117.
96. ГАРФ, ф. 109, 3-я эксп., 1874 г., ч. 327, д. 144, л. 12—13. Донесение начальника Орловского губернского жандармского управления в III отделение, 11.XII.1876.
97. Материалы для истории русского социально-революционного движения. — С родины и на родину, 1896, № 6-7, с. 305.
98. Вестник Европы, 1877, январь, с. 380.
99. КОНИ А.Ф. Избр. произведения. М. 1956, с. 500.
100. ГАРФ, ф. 109, II секретный архив, 1876 г., д. 238. Перлюстрация.
101. Там же, 3-я эксп., 1876 г., д. 253, ч. 1, л. 49об. Донесение начальника Новгородского ГЖУ в III отделение, № 316, 11.XII.1876.
102. ПЛЕХАНОВ Г.В. Русский рабочий в революционном движении, с. 150.
103. Историко-революционный сборник. Л. 1926.
104. ЛЕВИН Ш.М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М. 1958, с. 447; Из истории арестов и преследований. — Вперед, 1877, т. 5, с. 177.
105. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 2073 (Канцелярия временного Санкт-Петербургского генерал-губернатора), оп. 2, д. 50, л. 66. Дело о сыне надворного советника В.В. Сабурове (Оболешеве), 1877 г.; Голос, 16.V.1880, № 135.
106. КОРОЛЬЧУК Э.А. «Северный союз русских рабочих», с. 129.
107. ТКАЧЕНКО П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля». М. 1961, с. 172; КУЗЬМИН Д. (КОЛОСОВ Е.Е.). Ук. соч., с. 31.
108. ДЕЙЧ Л.Г. Плеханов в «Земле и воле». В кн.: Группа Освобождения труда. Сб. Вып. 3. М. 1925, с. 65—66.
109. АНТОНОВ В.Ф. Революционное народничество. М. 1965, с. 210.
110. СОКОЛОВ О.Д. На заре рабочего движения в России. М. 1978, с. 235.
111. ПЛЕХАНОВ Г.В. Русский рабочий в революционном движении, с. 139—140.
112. Судьба Боголюбова-Емельянова была трагична. В 1878 г. его отправили в Новобелгородскую центральную каторжную тюрьму, где у него обнаружили признаки душевного расстройства. Закончил свои дни он в Казанской психиатрической больнице.
113. Процесс Веры Засулич. СПб. 1906.
114. БУДНИЦКИЙ О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М. 2000, с. 46.